

Уже вечерело, и Дуань Лин вспомнил о встрече, о которой они с Цай Янем договорились ранее, поэтому Елюй Цзунчжэнь послал слугу передать ему приглашение, чтобы тот пришел выпить с ними. Улицы вокруг Калинового двора были перекрыты для движения, и, как только Дуань Лин вышел из кареты, он почувствовал, что что-то не так.

Когда Сюн Чунь привела Елюй Даши на встречу с Ли Цзяньхуном, тот, вероятно, стал более осторожным в отношении Калины; теперь же приглашение императора в это место свидетельствовало об отсутствии должного внимания. Дуань Лин размышлял об этом, следуя за Елюй Цзунчжэнем, и, проходя по коридору, неожиданно, без всякого предупреждения, столкнулся с Сюн Чунь.

Она слегка кивнула Елюй Цзунчжэню.

— Господин.

Они никогда раньше не встречались, и Елюй Цзунчжэнь скрывал, кто он такой, но Дуань Лин знал, что Сюн Чунь должна быть хорошо осведомлена о его личности. В Калиновом дворе приготовили комнату для Хань Цзели. Елюй Цзунчжэнь сел, Елюй Даши тоже, а Дуань Лин занял место во внешней комнате, где ждал, когда его позовут, приносил полотенца и блюда с едой, держась подальше, чтобы не подслушивать их разговор. Елюй Цзунчжэнь тоже не звал его внутрь, а просто сидел с Хань Цзели и болтал о всяких пустяках.

Дин Чжи внесла поднос с едой и вином и пересеклась взглядами с Дуань Лином.

— Сначала я попробую, — сказал он.

Дин Чжи некоторое время смотрела на Дуань Лина, затем улыбнулась, взяла одну из маленьких тарелок с едой своей изящной рукой и передала ему.

Таким образом, Дуань Лин понял, что предупредил их, чтобы они не предпринимали ничего необдуманного. Калина не пойдет на подсыпание мышьяка в еду, но никогда нельзя быть уверенным, что они не используют какой-нибудь яд замедленного действия. Если им взбретет в голову сделать это, то защититься от них будет просто невозможно.

Телохранитель снаружи сначала продегустировал еду, а после того, как ее принесли, Дуань Лин попробовал ее еще раз и лично отнес во внутреннюю комнату. После того как все блюда и вино были расставлены на столах, во внутренней комнате раздался тихий разговор. Дуань Лин почти ничего не слышал. Как неприятно, что Хань Цзели все это время держался на стороне Елюй Цзунчжэня, и у него не было возможности обсудить что-либо с Елюй Даши, подумал Дуань Лин. Придется найти какой-нибудь предлог, чтобы увести его в другое место.

Пока он размышлял об этом, до него вдруг дошло, с какой целью Елюй Цзунчжэнь вызвал его и заставил пойти с ним. Вскоре кто-то из гостей заказал еще один кувшин вина, и Дуань Лин взял его и внес в зал. Однако Елюй Цзунчжэнь не пытался скрыть от него их разговор и просто

продолжил:

—...Если бои затянутся, Чжао Куй может даже перебросить свои войска, охраняющие дорогу в Юйбигуань, и использовать их для того, чтобы зажать Ли Цзяньхуна в клещи...

Дуань Лин наступил на нижний край своего халата, споткнулся о ткань, и полкувшина вина выплеснулось на Хань Цзели.

Тот молча посмотрел на свой мокрый халат.

Дуань Лин тут же отставил кувшин с вином, чтобы обтереть Хань Цзели. К его чести, он был достаточно воспитан, поэтому его гнев проявился лишь на секунду, после чего исчез. Он нахмурил брови.

— Дуань Лин, за это тебе придется понести наказание в виде трех штрафных чашек*.

* Три чашки в соответствии с правилами сада Цзингу (из стихотворения Ли Бо «В весеннюю ночь пируем в саду, где персик и слива цветут», его перевод в конце главы).

— Мне очень жаль, — извиняясь, улыбнулся Дуань Лин.

Елюй Цзунчжэнь, продолжая разговаривать с Елюй Даши, даже не взглянул на Хань Цзели:

— Посмотри, нет ли у них здесь, в Калине, одежды, в которую ты мог бы переодеться, и возьми на время комплект.

— Я всегда держу при себе одежду на всякий случай, — сказал Хань Цзели. — Она прямо там, в моей карете. Я попрошу своего слугу принести ее.

Дуань Лин тут же позвал кого-то, протянул руку ладонью вверх, жестом указывая: сюда, пожалуйста, — и отвел Хань Цзели переодеваться.

Комната в боковом крыле была ярко освещена, и Дуань Лин взял у слуги одежду, помогая Хань Цзели.

Во время всего процесса никто из них не проронил ни слова. В комнате было странно тихо, только шуршала одежда. Тишина сохранялась до тех пор, пока Хань Цзели не закончил переодеваться. Выходя из комнаты, он произнес лишь одну фразу.

— Сначала я думал, что ты не похож на выходца из купеческой семьи. Но, судя по тому, что я увидел раньше, ты действительно вылитый торговец.

Дуань Лин покрылся холодным потом, поняв, что Хань Цзели разгадал его намерения и теперь высмеивал его за приспособленчество — как Дуань Лин поставил ставку на Елюй Цзунчжэня, как только вступил в игру. Это образ мышления купца, а также свойственная ему дерзость.

Дуань Лин улыбнулся.

— Господин Хань, вы шутите. На самом деле ближе всех ко мне Цай Янь.

Цай Янь не пришел, и Дуань Лин это тоже заметил. Елюй Цзунчжэнь сказал ему, что пришлет кого-нибудь за ним, но на самом деле он этого не сделал. Наверное, Цай Янь и Хань Цзели были близки, и Елюй Цзунчжэнь не хотел, чтобы у них был еще один подслушивающий. После этих слов Дуань Лина Хань Цзели стал немного сомневаться в том, как ему следует реагировать. Дуань Лин открыто прогнал его, чтобы Елюй Цзунчжэнь и Елюй Даши могли поговорить наедине, но втайне намекнул, что переходит на сторону семьи Хань — что это значило? Хань Цзели был в замешательстве и не мог понять, что пытался сделать Дуань Лин.

Дуань Лин подумал про себя, на войне никогда не бывает слишком много обмана, я же не собираюсь строить карьеру в твоей Великой Ляо, так что можешь думать обо всем, о чем захочешь.

— Прошу, сюда, — сказал Дуань Лин.

Услышав его голос, Елюй Даши и Елюй Цзунчжэнь успели подготовиться. Когда он зашел внутрь, Цзунчжэнь произнес:

— Ты же сам говорил, что наказание — три чашки.

И вот Дуань Лин налил себе три штрафные чашки, а Елюй Цзунчжэнь с улыбкой наблюдал за ним, его глаза были полны одобрения.

— Интересно, почему, но в тот момент, когда я увидел лицо Дуань Лина, мне показалось, что наши судьбы действительно связаны, — сказал Елюй Цзунчжэнь Хань Цзели. — Он мне необычайно нравится.

— Может, уже стоит опуститься и поблагодарить Его Величество? — произнес Хань Цзели.

Дуань Лин собирался сделать шаг вперед и поклониться, но Елюй Цзунчжэнь отмахнулся от этой идеи.

— Мы, кидани, не любим таких вещей. Иди и поешь. Тебе больше не нужно прислуживать нам.

Дуань Лин понял, что Елюй Цзунчжэнь закончил говорить то, что хотел сообщить, поэтому

вышел и закрыл дверь, оставляя их троих внутри, а сам пошел по коридору в боковую комнату. До него доносилась мелодичная музыка флейты, мягкая и неразборчивая. Это снова была «Радость встречи», и Дуань Лин не мог не вспомнить тот день, когда он пришел сюда с отцом.

Следуя за звуками флейты, он нашел среди сосен и бамбука небольшое двухэтажное строение — то самое, в котором он останавливался в первый день, когда Лан Цзюнься привез его в Шанцзин.

Сюн Чунь сидела на каменном стуле, ее красное платье разметалось по земле, она играла на флейте, не спеша доиграть до конца. Дуань Лин остановился и стоял, наблюдая за ней. Она исполнила эту песню, чтобы призвать его; это был сигнал, о котором знали только они. Вскоре музыка становилась все тише и тише, пока не исчезла в небытии.

Над головой висела полная луна, освещающая мир смертных внизу.

Кончики пальцев Дуань Лина сжимали край письма, и он протянул его ей. Служанка подошла и забрала его.

Он собирался в нескольких фразах рассказать о ситуации с Шанцзином, но, учитывая интеллект отца, даже если Дуань Лин ничего ему не скажет, он сможет догадаться.

— Когда я впервые увидела вас в ту зимнюю ночь, вы еще спали. Это было шесть лет назад, не так ли? Хотя я примерно догадывалась о вашей личности, но тогда я не могла сказать точно. Второй раз я увидела вас в карете. Вы вошли и назвали меня «госпожой».

Дуань Лин молча наблюдал за Сюн Чунь, не говоря ни слова.

Она вздохнула.

— Эта аура, которую вы излучаете, действительно все больше и больше напоминает Его Высочество третьего принца.

У Дуань Лина уже сломался голос, а за последние полтора года он стал еще выше. Его глаза были устремлены на Сюн Чунь.

— Если в этот раз вы решите вмешаться и переложить вину на Елюй Даши, то семья Хань в итоге получит контроль над Северной администрацией. Хань Вэйюн — хищник, и, если армия Ляо пойдет в поход, юг окажется в непосредственной опасности. Госпожа, помните, что вы не должны совершать необдуманных поступков — подумайте трижды, прежде чем действовать.

Дуань Лин закончил, а затем почтительно поклонился Сюн Чунь. Она тут же встала, чтобы ответить на этот жест, но Дуань Лин больше ничего не сказал и ушел.

Вино вольно лилось по залу и уплеталась еда, пили еще долго, пока все не покинули комнату, садясь в свои кареты. Первым ушел Елюй Даши, оставляя за собой Хань Цзели и Елюй Цзунчжэня.

— Я отвезу тебя домой, — сказал Елюй Цзунчжэнь Дуань Лину, а затем повернулся, чтобы сказать Хань Цзели:

— Подданный Хань, ты можешь идти.

Карета ехала по ночным улицам. Елюй Цзунчжэнь был слегка пьян, он ничего не говорил по дороге и все время молчал, пока они не оказались у ворот Дуань Лина.

— Что это за дерево?

Когда Дуань Лин спустился с кареты, Елюй Цзунчжэнь случайно заметил ветку, торчащую над стенами двора.

— Это персиковое дерево, Ваше Величество.

— В глазах вас, ханьцев, все так прекрасно.

Уголок рта Елюй Цзунчжэня слегка подрагивал.

— Персиковые деревья, нежные и пышные, как прекрасны их цветы*.

* Персиковые деревья, нежные и пышные, как прекрасны их цветы — это первая строчка народной песни, которую поют в свадебной процессии, когда несут паланкин невесты к дому жениха.

Дуань Лин улыбнулся.

Елюй Цзунчжэнь добавил:

— Иди домой.

Дуань Лин поклонился и вышел из кареты. По дороге сюда Елюй Цзунчжэнь ничего не сказал, но, вопреки неловкости, это молчание свидетельствовало о молчаливом взаимопонимании между ними. Как только он снова оказался дома, то испустил долгий вздох. Единственное, о чем он думал: это так утомительно.

Все сказанное и недосказанное закручивалось в водовороте мыслей; все произошло слишком

быстро, и у него не осталось времени на то, чтобы обдумать все в деталях. Он подозревал, что Елюй Цзунчжэнь изначально не питал особых надежд, и только после того, как Дуань Лин увел Хань Цзели из зала, он решил, по какому пути пойдут Ляо и Чэнь в будущем.

Размышляя, он прошел через ворота, и, зайдя во двор, вдруг услышал тихий, едва различимый шум.

Если бы это случилось раньше, он мог бы подумать, что это просто кошка гуляет по верху стены, но этот слабый звук заставил его насторожиться — это был звук убийцы, ступившего на черепицу и использующего внутреннюю силу для прыжка. Когда Ли Цзяньхун брал его с собой и они гуляли по крышам, он иногда издавал подобный звук.

— Кто там? — мрачно произнес Дуань Лин.

Шум исчез. Возможно, это был инстинкт, но Дуань Лин тут же схватил свой меч во дворе и снова вышел на улицу, чтобы побежать за каретой Елюй Цзунчжэня!

Убийца! Он увидел темную тень, а за ней последовало еще несколько слабых звуков: кучеру прострелили шею, а затем его убили мечом. Убийца вонзил клинок в карету, но Елюй Цзунчжэнь уже выпрыгнул через окно, и тот устремился вперед. Один взмах длинного меча — и оружие Елюй Цзунчжэня взлетело в воздух!

Дуань Лин больше не колебался. Подпрыгнув, он приземлился на каменного льва, перелетел через стену и упал во двор на соседней улице.

Елюй Цзунчжэнь бросился бежать, как только приземлился, и в следующий миг убийца опустил меч ему на спину.

Ворота сбоку от них внезапно распахнулись, и из них вылетела сабля — прямо на клинок убийцы, оттолкнув его настолько, что тот промахнулся и задел шею Елюй Цзунчжэня. Одной рукой Дуань Лин сделал выпад мечом, а другой потянул Елюй Цзунчжэня за руку к себе, поменяв их позиции и поставив его позади себя.

В долю секунды Дуань Лин принял решение, которое было равносильно обмену своей жизни на жизнь убийцы в маске.

Он направил меч на горло убийцы, но тот внезапно опустил клинок и выставил ладонь; Дуань Лин вложил всю силу в руку, повернулся на бок и нанес ответный удар, но, к его удивлению, человек в маске отступил в сторону, едва они соприкоснулись, и перенаправил всю силу, которую Дуань Лин сосредоточил в движение, в сторону. Он тут же потерял равновесие и упал на землю.

— Кто там?! — внезапно со всех сторон выбежали люди, окружая Дуань Лина и Елюй

Цзунчжэня.

Человек в маске не стал вступать в сложную схватку и, вскочив на стену, скрылся в ночи.

— Дуань Лин!

Елюй Цзунчжэнь сделал шаг вперед и поднял его на ноги. Он споткнулся и оглянулся по сторонам.

— Кто это был? Я услышал что-то за воротами и побежал посмотреть, что происходит.

Елюй Цзунчжэнь покачал головой и, опасаясь, что поблизости может быть еще одна засада, спросил у четырех телохранителей, одетых в черное:

— Кому вы служите?

Телохранители опустили на колени, окружая их. Один из них произнес:

— Северная администрация. Когда Ваше Величество выходили из Калинового двора, один из людей семьи Хань следил за вами, пытаюсь выяснить, куда вы направляетесь. Поэтому я задержал разведчика из семьи Хань и прибыл на шаг позже. Приношу тысячу извинений.

— Возвращайтесь и сообщите своему принцу. Приберитесь здесь.

Как только Елюй Цзунчжэнь закончил раздавать указания стражникам, он тихо сказал Дуань Лину:

— Никому об этом не говори.

Дуань Лин кивнул, и Елюй Цзунчжэнь кивнул в ответ, взглядом давая ему понять, чтобы тот не беспокоился, прежде чем уйти.

***

Ли Бо «В весеннюю ночь пируем в саду, где персик и слива цветут». Перевод В. М. Алексеева.

Смотрите, небо и земля – они гостиница для всей тьмы тем живых! А свет и тьма – лишь гости, что пройдут по сотням лет-веков. И наша жизнь – наплыв, что сон! А радостью живем, ну, много ль мы?

Древний поэт брал в руки свечу и с нею гулял по ночам. Большой был в этом смысл! Тем более – сейчас, когда весна в разгаре, зовет меня одетой в мглу красой, и мир – великий ком – мне в дар свою поэзию дает.

Собрались мы в душистый сад под персики и сливы, и дело радости по небом установленным законам в семье людей мы исполняем здесь.

Вы, младшие в искусстве, гениальны! Вы все, что младший брат поэта Се Хой-лянь. А я как стихотворец сам стыжусь, что я для вас не старший брат, поэт Канлэ.

Мы продолжаем наслаждаться уединеньем нашим, и наша речь возвышенною стала и к отвлеченной чистоте теперь идет.

Мы открываем волшебный свой пир, сидя среди цветов. Порхать мы пускаем пернатые чарки, пьянея под луной.

Но без изящного стиха в чем выразить свою прекрасную мечту? Когда же у кого из нас не выйдет стих, его накажем мы вином, согласно счету в «Золотой долине» (компании друзей, где каждый был поэт).

***

Кто это был — мужчина или женщина? Теперь, когда он вернулся домой, Дуань Лин прокручивал в голове действия убийцы в маске. Он не мог определить его пол, но это мог быть только кто-то из Калины, потому что только убийца из Калины не посмел бы причинить вред Дуань Лину. Если бы он был послан семьей Хань, то убил бы его первым же движением...

— Ты вернулся? — донесся из темноты голос Цай Яня.

Дуань Лин едва не потерял сознание от испуга.

— Вернулся. Что ты здесь делаешь?

— Мы же договорились встретиться, нет?

Цай Янь сидел во дворе и пил в одиночестве, и кто знает, откуда взялось вино. Дуань Лин опустил меч, оставляя его лежать там, где он упал, и с размаху сел напротив Цай Яня, а затем взял кувшин с вином и налил себе чарку.

Цай Янь был отобран, но Елюй Цзунчжэнь не даст ему никаких важных обязанностей — если он не перейдет на его сторону, то тесная связь с семьей Хань станет помехой. С другой стороны, Дуань Лин не особо беспокоился о перспективах Цай Яня, но это лишь потому, что

рано или поздно ему придется уйти. Учитывая талант Цай Яня, ему, вероятно, не составит труда справиться с ситуацией.

— Не знаю почему, но сегодня я вдруг задумался о своем отце. Если он еще жив, то, наверное, будет очень счастлив.

— Если мой отец узнает, я уверен, что он тоже будет счастлив. Когда я доберусь до Чжунцзина, отправлю ему письмо и попрошу приехать за мной.

Цай Янь пил чашку за чашкой, но Дуань Лин не решался выпить еще, чтобы не сказать того, чего не следует говорить, если он опьянеет. В итоге Цай Янь впадал в ступор, рыдал и хохотал, и в конце концов перекинулся через стол, чтобы развеяться.

Дуань Лин отнес его в спальню, уложил на свою кровать и лег на то место, где раньше спал Ли Цзяньхун, а Цай Янь все еще лежал там, беспрестанно бормоча себе под нос какую-то чепуху.

— Процветающее... царство. Царство, это царство...

Дуань Лин почувствовал, как его сердце подпрыгнуло к горлу, но в итоге Цай Янь больше ничего не сказал. Он еще что-то пьяно пробормотал, а потом провалился в глубокий сон.

Когда он проснулся на следующий день, Цай Янь уже ушел, и в то же утро к нему в дверь постучался солдат.

— Его Светлость хочет знать, готовы ли вы сегодня отправиться в Чжунцзин.

— Что?

Голова Дуань Лина, выпившего накануне, все еще болела, но он вдруг полностью протрезвел.

— Какая Светлость?

— Мой господин сказал, что вы узнаете, как только я вам расскажу.

Солдат тоже выглядел совершенно растерянным.

— Вы не знаете? Его Светлость хочет знать, готовы ли вы сегодня же отправиться в Чжунцзин. Никто об этом не знает, он говорит только вам, и, если вы согласны уехать прямо сейчас, Северная администрация вышлет отряд, чтобы сопроводить вас в пути. Это совершенно секретно. Если вы предпочтете дождаться его в Шанцзине, это тоже не страшно.

Дуань Лин порылся в памяти и вдруг вспомнил о Елюй Цзунчжэне. Он уже уехал прошлой ночью?! Естественно, у Дуань Лина не было никакого желания уезжать прямо сейчас. Как только он уедет, все планы пойдут наперекосяк.

— У меня здесь незаконченное дело. Пока что я не могу уйти.

— Это вам от Его Светлости. Вы должны хранить один из этих предметов в безопасности — вы не должны его потерять. Вам нужно будет предоставить мне доказательства того, что вы его получили, и я отправлю его в Чжунцзин.

Солдат Северной администрации принес коробку с едой и небольшой чемоданчик. В коробке были всевозможные изысканные закуски, а также письменный набор, состоящий из туши, кисти, бумаги и чернильного камня, и меч. Открыв футляр, Дуань Лин обнаружил выкованный из золота жетон, довольно тяжелый. Он кивнул солдату и вернулся в дом. Немного подумав, но поняв, что ему нечего подарить, он сорвал с ветки несколько незрелых персиков и положил их в футляр, персики и все остальное. Запечатав, он вручил его солдату.

Аллегория гласит: «Получи сливу в ответ на свой персик», не из благодарности, а в знак вечной дружбы^{*}. Хотя в оригинале говорится: дай мне деревянный персик, а деревянный персик — это папайя. Но папайи у него под рукой не было, так что придется довольствоваться персиками. Он верил, что Елюй Цзунчжэнь поймет его.

^{*} Дай мне папайю, я в ответ дам кусок драгоценного нефрита, не из благодарности, а в знак нашей вечной дружбы — это из «Папайя», стихотворения из Книги песен / Классика поэзии.

Следующие несколько дней Дуань Лин почти не выходил из дома, не считая выхода за едой. Каждый раз, проходя мимо чайной лавки, он подолгу стоял и слушал, пытаясь уловить хоть какие-то новости с юга. Сведения сами по себе были бесчисленны и противоречивы: кто-то говорил, что Чжао Куй поднял восстание, кто-то — что Му Куанда переметнулся к Ли Цзяньхуну, кто-то — что император Южной Чэнь и четвертый принц умерли, и в данный момент Дуань Лин не знал, кому верить.

Тем временем Цай Янь пришел с визитом и сказал Дуань Лину:

— Его Величество вернулся в Чжунцзин две недели назад.

Дуань Лин сидел у колодца и чистил одежду. Он притворился удивленным.

— Значит, он просто так уехал?

— Армия в Чжунцзине была наготове, как натянутая стрела. Елюй Даши написал секретное донесение, и когда Его Величество вернулся, он созвал всех придворных и заблокировал решение о походе, несмотря на возражения императорского наставника Хань.

Дуань Лин возблагодарил небеса и наконец-то почувствовал себя спокойно.

— Твой отец еще не вернулся?

— Нет.

— Так он тебе написал или нет? Это письмо на столе в гостиной от твоего отца?

Дуань Лин некоторое время смотрел на него в удивленном молчании, а затем побежал в дом, чтобы проверить. Он нашел запечатанное письмо, которого раньше там не было, ровно лежащее на столе. Цай Янь вышел из комнаты, не спрашивая Дуань Лина, и он открыл его.

«Ты спрашиваешь о моем возвращении, но этот день еще не наступил;

Ливни на горе Ба затопили осенний пруд.

Когда же мы вдвоем подрежем фитиль у западного окна,

и поговорим о ночных дождях, что идут на горе Ба*?

* «Письмо на север, написанное дождливой ночью» — стихотворение поэта династии Тан Ли Шаньинь. Было ли оно адресовано его жене или другу, мы не знаем. Зато известно, что к тому времени, когда он написал это стихотворение, его жена уже скончалась от болезни, просто он еще не получил известия. «Подрезать фитиль» означает засидеться допоздна и проговорить всю ночь, ведь ночь — единственное время, когда понадобятся свечи, и только когда свеча горит слишком долго, нужно подрезать фитиль. Гора Ба находится на восточной окраине Сычуани.

Жди меня».

Ли Цзяньхун выиграл войну.

Семь дней назад Цзяньмэньгуань капитулировал.

[Семь дней назад]

Стояла дождливая ночь, и Цзяньмэньгуань от горизонта до горизонта заполнил ливень. Горные хребты пересекали огни, и вспышки освещали небо; грязь и камень на обоих берегах реки сливались в потоп, а дождь с гулом несся сквозь ночь, устремляясь вниз с гор в темноте.

В лагерь Черных доспехов прибыл гость с ребенком и телохранителем в маске.

Ли Цзяньхун стоял лицом к краю палатки ипил, опираясь одной ногой на ящик с оружием. Свет фонаря отбрасывал его профиль на стену палатки.

— Дождь и вправду очень сильный, — гость развязал свою бамбуковую шляпу и снял плащ, восклицая. — Если бы не Чан Люцзюнь, который нес меня на спине всю дорогу, я бы, наверное, никогда не добрался сюда, чтобы лично предстать перед Вашим Высочеством.

— Канцлер Му, прошло много лет с нашей последней встречи.

Ли Цзяньхун указал на стул:

— Присаживайтесь.

Се Ю сел рядом и молча уставился на Му Куанду.

— Разогрейте имбирный суп для канцлера Му, чтобы он не простудился, — отдал распоряжение Ли Цзяньхун.

— Это мой сын, — сказал Му Куанда, — Му Цин. Цин-эр, поклонись.

Сын Му Куанды вышел вперед, опустился на колени перед Ли Цзяньхуном и нагнулся, чтобы поклониться, но тот сделал небольшой жест рукой, давая понять, что в формальностях нет необходимости.

— К тем, кто путешествует на дальние расстояния, всегда нужно относиться как к гостям. Неважно, с какими целями вы пришли сюда сегодня, канцлер Му, но за вашу лично проявленную смелость я позволю вам свободно уйти. Я не стану вас останавливать.

— Я сказал ему, что должен прийти сюда лично. Чан Люцзюнь всегда такой осторожный. Говорил ему, что все будет в порядке, раз я могу прийти один, Его Высочество позволит мне уйти целым и невредимым.

— Говори, — мрачно сказал Се Ю мрачно. — Его Высочество ждет.

Му Куанда произнес:

— Его Величество умер.

— Когда? — без особого беспокойства спросил Ли Цзяньхун.

— Пять дней назад, за час до полуночи.

— Почему я об этом не знаю? — спросил Ли Цзяньхун.

— Чжао Куй держит дворец на замке и следит за тем, чтобы весть о смерти Его Величества не прошла незамеченной, — продолжил Му Куанда. — Ваше Высочество, императорский указ, отданный шесть лет назад, был не моей идеей. Это Чжао Куй превысил свои полномочия.

— Я знаю, — безразлично бросил Ли Цзяньхун.

— И мобилизация Теневой стражи — этому я тоже не смог помешать.

— Я знаю.

— Если Ваше Высочество не закончит эту войну быстро, если Хань Вэйюн и императрица Сяо не смогут сдержаться и киданьская армия вернется, это будет означать неминуемую гибель для Великой Чэнь. Мы не можем допустить распада. Не говоря уже о том, что обе стороны будут управляться императорской семьей, поэтому дальнейшее разделение будет бессмысленным.

— Ага.

— Сегодня Чжао Куй издал военный указ о переброске более половины войск в Юйбигуань на центральную равнину, чтобы присоединиться к борьбе против Вашего Высочества. Сычуань уже находится под его контролем. Если Ваше Высочество проиграет эту битву, Чжао Куй обязательно вернется в Сычуань и использует эту армию, чтобы заставить отречься от престола.

Ли Цзяньхун нахмурил брови. Он ничего не произнес.

— Я сейчас же отправлюсь за ордером на арест и скоординирую свои действия с Теневой стражей. Через три дня по сигналу свистка Теневая стража выступит вместе с Вашим Высочеством и откроет ворота в Цзяньмэньгуань.

— Канцлер Му, вы хотите, чтобы я что-то сделал?

— Никакого повышения налогов для Сычуани в течение следующих десяти лет, и никакого обязательного призыва. И самое время... перенести столицу в Цзянчжоу.

Ли Цзяньхун улыбнулся.

— Канцлер Му, похоже, вы все для меня продумали.

Му Куанда тоже улыбнулся.

— Я всегда был тактичным человеком.

Ли Цзяньхун повернулся и посмотрел на сына Му Куанды. Под его взглядом Му Цин испытывал некоторый страх и немного отступил.

— Следующие несколько дней Цин-эр будет находиться рядом с Вашим Высочеством, чтобы он мог чему-то научиться. Ваше Высочество, это ребенок, которого я люблю больше всего, надеюсь, что Ваше Высочество...

— Не нужно. Я доверяю вам. Тогда идите, я буду ждать вашего сигнала через три дня.

И вот Му Куанда снова забрал сына и Чан Люцзюня из военного лагеря.

Спустя три дня посреди ночи по горам внезапно пронесся тревожный птичий крик, и люди, охранявшие ворота Цзяньмэньгуаня, были убиты. Ночью Ли Цзяньхун захватил Цзяньмэньгуаня, а защищавшие его двести тысяч солдат Чжао Куя потерпели поражение и побежали по дороге в Сычуань. На рассвете под горой Вэньчжун* произошла решающая битва, и Чжао Куй, успевший лишь наспех привести свои войска в порядок, сначала проиграл Се Ю, а затем попал в засаду Ли Цзяньхуна.

* Гора Вэньцзун (буквально «Гора, где слышен колокол») — вымышленное место, которое также фигурировало в «Орлином страже», и, по версии главного героя «Орлиного стража», находилась в провинции Сычуань, к северу от города Сычуань.

В конце битвы обочины дороги были усыпаны телами убитых, а в степи вокруг было полно дезертиров. Ли Цзяньхун отправился с отрядом на поиски Чжао Куя, но после того, как У Ду спас его где-то по дороге, он бежал в сторону города Сычуань.

— Когда колокол горы Вэньчжун звонит девять раз, старый режим сменяется новым...

— Когда лед на реке Фэн тает, зима сменяется весной...

К тому времени, когда Чжао Куй бежал к подножию горы Вэньчжун, дети в далеком городе Сычуань уже пели эту песню. А на дороге его поджидала мятежная Теневая стража. У Ду в одиночку сдерживал ее своим мечом, а Чжао Куй снова отступил, убегая на запад.

Посреди пустыря стояло огромное дерево, и, исчерпав все возможности, Чжао Куй добрался сюда с дюжиной телохранителей. Вдали над ними возвышалась гора Вэньчжун.

— Если бы я знал, мне следовало бы просто умереть честной смертью, — воскликнул Чжао Куй.

В ясный осенний день можно было бесконечно долго смотреть на окрестности. На пшеничных полях раздался шорох, и к ним, двигаясь против ветра, приближался высокий убийца. Встревоженные телохранители закричали:

— Кто там?!

Но прежде чем стражники успели сделать шаг, мимо них пронеслось несколько полос яркого света, и личные охранники Чжао Куя замертво упали на землю там, где стояли...

— Приветствую вас, — произнес убийца, — меня зовут Чан Люцзюнь.

— Наконец-то и я услышу эти слова, — сказал Чжао Куй.

— Я пришел убить вас, — Чан Люцзюнь снял маску и вежливо поведал ему об этом.

Последнее, о чем успел подумать Чжао Куй, — о татуировке в виде белого тигра на лице Чан Люцзюня.

В сумерках горизонт окрасился красной полосой, а в глуши шелестело одинокое дерево. Покрытый с ног до головы порезами и ранами У Ду шел по следу Чжао Куя в Кленовое ущелье, и по прибытии он увидел тела Чжао Куя и всех его охранников, а также Чан Люцзюня, наклонившегося, чтобы вытереть кровь со своего меча разорванным плащом Чжао Куя.

Зрачки У Ду слегка расширились, но Чан Люцзюнь даже не удосужился посмотреть на него.

— У тебя есть два пути. Первый — покончить с собой, чтобы хотя бы умереть с нетронутым телом; второй — начать бежать прямо сейчас. Я буду считать до десяти. Когда я досчитаю, я тебя убью.

У Ду не мог перестать дрожать. Он не побежал, но и не лишил себя жизни. Он просто достал меч, висящий у него на поясе, и продолжил трястись.

— Неужели ты думал, что любой побежит? — усмехнулся У Ду.

Чан Люцзюнь поднял меч, и в этот момент на лице обоих появилось удивление. Чан Люцзюнь быстро вернул меч в ножны, повернулся, чтобы уйти в пшеничное поле, и бесследно исчез.

Замерев от ран, У Ду, пошатываясь, направился к телу Чжао Куя, завывая от горя и ярости.

Навстречу ему по дороге скакала лошадь. Плащ Ли Цзяньхуна, одетого с ног до головы в железные доспехи, развевался на осеннем ветру, и У Ду немедленно повернулся к нему лицом.

— Сложи меч в ножны, — сказал Ли Цзяньхун.

У Ду выглядел нерешительным. Ли Цзяньхун подбросил письмо, и оно упало перед У Ду. Все еще дрожа, он открыл его. Когда он закончил его читать, Ли Цзяньхун повторил:

— Сложи меч в ножны.

У Ду резко вернул меч в ножны, и звон его металла был подобен крику дракона, который сотрясал небеса, разносившись по ветру, а в долине превращался в затяжное эхо.

Не потеряв ни одного солдата, весь город Сычуань сдался Ли Цзяньхуну. Му Куанда вывел из города целую процессию чиновников, чтобы поприветствовать его, и Ли Яньцю лично подошел к нему.

— Третий брат, ты вернулся.

Ли Цзяньхун уже собирался что-то сказать, когда с горы Вэньчжун до них донесся звук большого колокола, звон которого разносился в закате.

***

Дуань Лин проснулся от резкого толчка.

Колокол звенел все сильнее и сильнее, один звон за другим; снаружи доносились тревожные крики. Он тут же потянулся за мечом, который держал у кровати, и из всего этого шума ему удалось разобрать одну фразу:

— Монгольская армия здесь!

Это было уже второе нападение монгольских войск на Шанцзин за последние два года, и в прошлый раз они тоже атаковали ближе к осени; так получилось, что с тех пор прошел год. Дуань Лин сразу же пристегнул меч и снял длинный лук, висящий в гостиной. Как только он вышел на задний двор, то увидел, что на город бросали валуны и горящие бочки, и начало разгораться пламя.

Люди бежали по улицам и кричали о пожаре, а Дуань Лин прошел через другую улицу, чтобы присоединиться к группе, передающей ведра с водой. Вскоре в город полетел еще один валун.

— Это место не выдержит! — закричал Дуань Лин. — Всем бежать в северный район!

В западном районе Шанцзина царил полный хаос — монгольская армия каким-то образом

добралась до городских ворот, не привлекая ничьего внимания. Повсюду полыхало пламя, а к западным воротам уже были приставлены осадные лестницы; были даже монгольские солдаты, которые с боем пробивались в город, высоко поднимая оружие.

Город еще не захвачен! На нас просто внезапно напали! Дуань Лин запрыгнул на крышу, достал свой длинный лук и убил остановившегося монгольского солдата. Другой воин, укравший лошадь, проезжал по соседней улице, поджигая все на своем пути, и Дуань Лин сбил его с коня.

Когда он выпустил третью стрелу, враги уже обнаружили его и с громкими проклятиями надвигались на него, направив на него тяжелый арбалет. Дуань Лин зашел за карниз и сделал сальто через край крыши, с мечом в руке обойдя задний двор и одним ударом меча убив еще одного человека.

Городская стража бросалась со всех сторон, уничтожая вторгшегося врага, и наконец им удалось сдержать хаос. А за городом уже били военные барабаны; Елюй Даши поспешно прибыл со своими войсками и полностью закрыл городские ворота, запрещая вход.

На рассвете Дуань Лин побежал к дому Цай Яня. Ворота поместья Цай Яня были закрыты и заколочены, и он никого там не застал; тогда он направился к дому Хэлянь Бо, и там тоже никого не было. На улицах царил полный хаос: одни читали сутры, другие просто спасались бегством. Дуань Лину не осталось ничего другого, кроме как снова отправиться домой, и когда он пришел туда, у дверей его ждала девушка. Он знал, что она из Калины, но не мог вспомнить ее имя.

— Господин Дуань, госпожа хотела бы пригласить вас в Калиновый двор, — с поклоном произнесла она.

Дуань Лин повесил лук на спину и последовал за ней. Постепенно Шанцзин затих, и изредка можно было услышать чей-то плач. Послеполуденное солнце было таким ярко-белым, что щипало глаза, и, когда они пришли в Калину, девушка сказала ему:

— Пожалуйста, отдохните здесь, господин Дуань. Как только госпожа закончит работу, она пригласит вас к себе.

— Идите, — сказал Дуань Лин.

Перед уходом девушки к нему зашла Дин Чжи. Они кивнули друг другу, и Дин Чжи спросила его:

— Не желаете ли чего-нибудь отведать, господин? Я сейчас же приготовлю что-нибудь.

— Не беспокойтесь.

Дин Чжи поклонилась и вышла из комнаты, а Дуань Лин выпил воды, съел немного пирожных, чтобы утолить голод, и положил меч и лук, после чего вышел из зала. Он запрыгнул на стену в надежде заглянуть вдаль, но во все стороны поднимался черный дым; тогда он просто поднялся на крышу и, поставив ноги на черепицу, сел там, глядя на город.

— Госпожа просит о встрече, — раздался шелковистый голос внизу.

Дуань Лин посмотрел вниз: прибыла Сюн Чунь. Она отослала своих слуг и поклонилась ему.

— Что происходит? — спросил Дуань Лин.

— Не так давно, во время гражданской войны на юге, когда Его Высочество и Чжао Куй столкнулись друг с другом перед Цзяньмэньгуань, Чжао Куй срочно перебросил тридцать тысяч войск с Юйбигуаньской восточной дороги и заставил их идти на юг, — мрачно произнесла Сюн Чунь. — Он надеялся застать Цзянчжоу врасплох и отрезать Его Высочеству путь к отступлению, в результате чего ему было пришлось столкнуться с врагами с обеих сторон. Однако, хотя солдаты были переброшены, сражения не произошло. До прибытия подкрепления Му Куанда договорился с Его Высочеством, и Цзяньмэньгуань капитулировал.

— В течение двух дней, — Сюн Чунь посмотрела во двор, — вся дорога в Сычуань была восстановлена, и на горе Вэньчжун девять раз звонили в колокол; Его Третье Высочество принял на себя управление городом Сычуань.

— В то же время, поскольку гарнизон в Юйбигуань был сильно ослаблен, монголы перебравшись через естественную границу горы Цзянцзюнь, чтобы вторгнуться в Ляо. Они прошли мимо Хучана и направились прямо к Шанцзину. Три дня назад они отправили отряд, замаскированный под иностранных торговцев, и послали их в Шанцзин. Оказавшись в городе, они устроили засаду, убили стражников и открыли городские ворота. К счастью, их вовремя обнаружили, и западные ворота по-прежнему остаются под охраной.

Сюн Чунь закончила:

— Снаружи десять тысяч монгольских воинов, которые продвигаются без помех. Внутри города остались лишь две тысячи городских стражников и десять тысяч солдат. Прежде чем враги смогли окружить город, Северный принц отправил гонцов на юг и запад с просьбой о подкреплении.

— А что с моим дедом?

— Он мертв. Перед отъездом Его Высочество сказал мне, что как только ситуация на юге стабилизируется, независимо от того, кто вступит на престол — он сам или четвертый принц, — наследником станете вы. Мы должны относиться к вам со всей учтивостью, которая полагается императору.

Дуань Лин кивнул.

— Вот почему Ваше Высочество не должны делать ничего опасного. Если вам что-то понадобится, пожалуйста, спрашивайте.

— Спасибо.

Дуань Лин спрыгнул вниз с парящего карниза, а Сюн Чунь развернулась и грациозными шагами ушла.

Он не знал, куда делся Цай Янь. С этой ночи Дуань Лин начал жить в Калиновом дворе. В его стенах он чувствовал себя как ни в чем не бывало, снаружи было все так же шумно, но в саду Калины женщины готовили выпечку к празднику Двойной семерки. Дуань Лин заметил, что, когда бы он ни проходил через какое-либо место, будь то мужчины или женщины, все в Калине останавливались и кланялись ему.

Он беспокоился о Цай Яне, опасаясь, что после смерти Цай Вэня тот станет мстить за старшего брата, не заботясь о своей жизни, и поэтому послал людей на его поиски.

***

Сычуань.

Ли Цзяньхун сидел на императорском троне; само кресло было привезено сюда из бывшей столицы, но, увы, земля, где оно раньше стояло, уже стала территорией киданей.

— Еще несколько лет назад отец уже был нездоров, — сказал Ли Цзяньхун.

Ли Яньцю стоял в углу и смотрел в оконные стекла. В комнату один за другим проникали лучи вечернего света.

— Я до сих пор помню, как мы гонялись друг за другом перед этим креслом, когда были маленькими, — сказал Ли Яньцю. — В мгновение ока столько лет прошло.

— Будь императором, — произнес Ли Цзяньхун.

— Ты будь.

— Ты станешь им. Ни слова больше. Все решено.

Ли Яньцю беспомощно покачал головой, но Ли Цзяньхун расплылся в улыбке.

— У меня есть сын. Когда ты с ним познакомишься, он тебе понравится.

— Где ты его прячешь?

— В Шанцзине. Через несколько дней, как только ты дашь согласие, я поеду за ним.

— Я буду относиться к нему как к собственному ребенку.

Ли Цзяньхун кивнул. Братья долго молчали, прежде чем Ли Яньцю снова заговорил:

— Мы перенесем столицу?

— Если уж на то пошло, Сычуань — владение семьи Му, так что оставим ее им, — серьезно говорил Ли Цзяньхун, — я всегда был против идеи переезда сюда, в Сычуань.

— Ты должен быть начеку рядом с ним.

— Сейчас мы не можем причинить ему вреда. Новый двор еще не окреп, дворянство пустило корни в правительстве, так что нам остается только ждать.

Ли Яньцю протяжно вздохнул.

Ли Цзяньхун свистнул, и в дворцовом зале это звучало особенно резко. Стражник открыл дверь и зашел.

— Приведите сюда этого парня, — сказал Ли Цзяньхун.

— Прошло уже достаточно времени, — сказал Ли Яньцю. — Надо было просто позволить Чан Люцзюню убить его. К чему все эти хлопоты?

— Я больше не хочу убивать, — устало произнес Ли Цзяньхун. — Я убил достаточно людей на этом пути. И то, хочет ли семья Му убить меня, не имеет никакого отношения к этому человеку.

Вскоре его подчиненный привел У Ду. Его лицо было покрыто синяками, все раны перевязаны, а руки обмотаны бинтами.

— Говори.

Ли Цзяньхун откинулся на спинку драконьего трона, а Ли Яньцю сидел рядом с ним и

наблюдал за У Ду.

— Твои слова решат, кому жить, а кому умереть.

Глаза Ли Цзяньхуна были закрыты.

— Это касается и твоей собственной жизни. Говори.

У Ду молча смотрел на белый нефритовый кирпич на полу; рисунок белого тигра был детально проработан и реалистичен.

— Я оставил тебя в живых не потому, что хотел увидеть немого.

Ли Цзяньхун спросил:

— Насколько Му Куанда был причастен к планам Чжао Куя?

— Нисколько. У мастера Ванбэя был ученик, который тоже убийца.

— Это Му Куанда сказал?

— Это сказал генерал. Он хотел нанять этого человека, чтобы тот расправился с Вашим Величеством.

— Канцлер Му согласился на это? — спросил Ли Цзяньхун.

— Нет.

— Он отказался? — спросил Ли Яньцю.

— Тоже нет.

Ли Яньцю засмеялся.

— Ну и старый лис.

— А что еще? — сказал Ли Цзяньхун. — Если бы ты был одним из моих людей и давал мне один ответ на каждый такой вопрос, я бы отрубил тебе голову еще до того, как дошел бы до второго вопроса.

— С самого начала и до конца он только и делал, что говорил, что не будет этого делать. Доказательств не было. Но он действительно намеревался быть неверным.

— Если бы мы могли осуждать людей за нелояльные намерения, кто знает, сколько людей уже были бы мертвы. Забудь об этом, я пока оставлю его в живых.

У Ду поднял голову и посмотрел на Ли Цзяньхуна.

— Ты можешь идти, — сказал Ли Цзяньхун, — Ступай, куда хочешь.

У Ду сделал шаг назад, колеблясь. В этот момент двери дворца распахнулись, и внутрь вбежал запыхавшийся гонец. Он упал на колени в зале и обеими руками поднял над головой донесение.

— Монгольские войска двинулись на юг, десять тысяч конников осаждают Шанцзин, Елюй Даши просит вас о помощи! Ваше Величество, пожалуйста, помогите Шанцзину прорвать осаду!

Ли Цзяньхун только что вернулся в Сычуань и обнаружил, что его задний двор внезапно загорелся; на мгновение он оказался ошеломлен и растерян.

Монголы действительно подоспели слишком быстро. Чжао Куй едва успел перебросить войска, стоявшие гарнизоном в Юйбигуань, как они нахлынули и ворвались на территорию Ляо. Больше всего беспокоило то, что у киданей, похоже, совершенно не было сил сопротивляться им — обширная территория к северу от Хучана была теперь захвачена. Чжунцзин отправил войска в качестве подкрепления, а Елюй Даши немедленно отозвал армию, которую позаимствовал Ли Цзяньхун, надеясь, что он сможет помочь им в этом тяжелом положении.

— Я считаю, что нам не следует посылать войска, — сказал Му Куанда.

Сычуаньский дворец ждал почти десять лет, но теперь у них наконец-то появился главный, перед которым должны были преклоняться все чиновники.

Однако должность Ли Цзяньхуна еще не была официально утверждена, да и личность его сильно отличалась от сменявших друг друга императоров. Придворным чиновникам только что удалось избежать чистки Чжао Куя, и теперь они с большой преданностью империи утверждали, что сейчас наилучшая возможность захватить Ляо и Юань — причина проста: когда кулик и моллюск воюют, рыбаку остается только ждать, чтобы поймать обоих.

Они ждали, когда Юань и Ляо объявят друг другу войну, еще со времен битвы при реке Хуай. Шанцзы и потеря их столицы до сих пор не отомщены, так как же он мог взять на себя смелость послать войска?

Скажем так: все, что ему нужно было сделать, — это вернуть одолженную армию киданей.

Он не мог разорвать отношения с Елюй Даши и стать объектом насмешек, но мог хотя бы не торопиться с возвращением, не так ли?

— Ваше Величество, вы защищали Шанцзин ради Елюй Даши, поэтому будет правильно, если кидани оплатят вам тем же.

Ли Цзяньхун лишь нетерпеливо слушал их, а морщина между его бровями сжималась в узел.

— Ваше Величество? — неуверенно спросил Му Куанда.

— Вы все закончили?

Чиновники в дворцовом зале смотрели на Ли Цзяньхуна. До них уже доходили слухи об упрямстве принца Бэйляна, и оказалось, что он был таким же твердолобым, как и в слухах.

— Ваше Величество! — произнес Му Куанда. — Прежний император мертв, а нация не может оставаться без государя даже один день. Вы должны вступить на престол как можно скорее, чтобы успокоить народ. Что же касается того, посылать ли войска, то мы можем долго размышлять над этим. В мире нет страны, которая послала бы войска на помощь своему соседу, когда у нее даже нет правителя. По душевным или логическим причинам это крайне неуместно.

— Давайте не будем спешить с «Ваше Величество» — я соглашался? Идите и займитесь приготовлениями. Четвертый принц будет возведен на престол завтра. Военное министерство, проведите инвентаризацию и подготовьте провиант. Мы выступим в поход завтра днем.

— Но мы всегда должны выбирать благоприятный день для восшествия на престол... — произнес министр астрономии.

Ли Цзяньхун бросил на него взгляд, и тот пал на колени.

— Это противоречит обычаям!

— Ваше Величество! — настаивал Му Куанда. — Старшинство важно для иерархии. Мы не можем переступить эти границы. Даже небесная семья должна подчиняться правилам.

— Когда подчиненные Чжао Куя заставляли меня бегать по всему северу, — воскликнул Ли Цзяньхун, — почему я не слышал, чтобы кто-то из вас сказал «старшинство важно для иерархии»?

В зале воцарилась смертельная тишина. В словах Ли Цзяньхуна прозвучала явная угроза — если вы не позволите мне послать войска, то ждите, когда я раскопаю старые обиды.

— Но даже если так, Ваше Величество должны быть возведены на престол первым, — наконец пошел на компромисс Му Куанда. — В эти отчаянные времена мы можем завершить церемонию как можно быстрее. Затем, как только Ваше Величество сможет управлять двором, вы можете послать войска из Яньчжоу и отправить гвардейцев императорского дворца вместе с отрядом соколов атаковать монгольский оборонительный периметр в Юйбигуань. Тогда Угэдэю придется развернуть свою армию, чтобы спастись. Таким образом, Ляо окажется вне опасности.

— Ляо будет вне опасности, — холодно процедил Ли Цзяньхун. — Но от Шанцзина ничего не останется.

— Монголы атакуют город, поэтому, конечно, они устроят резню. Такая карма будет преследовать их потомков. Это ничем не отличается от того, как в свое время железные подковы киданей растоптали суверенную территорию Великой Чэнь. Ваше Величество, по всей вероятности, Шанцзин не удастся отстоять.

Ли Цзяньхун не пытался с ним спорить. Вместо этого он сказал:

— Давайте распустим это собрание. Откажитесь от празднования на завтрашней церемонии вознесения. Военное министерство, подготовьте провизию сегодня вечером. Если вы будете тянуть время и не выдадите ее завтра к полудню, приходите ко мне с отрубленными головами. Собрание окончено.

Ли Цзяньхун уже целую вечность слушал, не позволяя ни одному аргументу поколебать его, и, если кто-то будет оказывать ему знаки внимания, не выполняя никакой работы, он наверняка станет первым в истории императором, который пройдет по дворцовому залу с мечом в руке, кромсая своих чиновников на месте. Чиновники посмотрели друг на друга, понимая, что эпоха ушла в прошлое. Каждый из них покачал головой и тоскливо вздохнул, но у них не было другого выбора, кроме как уйти.

— Я действительно не подхожу на роль императора, — сказал Ли Цзяньхун Ли Яньцю, который стоял в коридоре и играл с птицей.

— Хотя Му Куанда и самодоволен из-за своей власти при дворе, — несколько раз кашлянув, ответил Ли Яньцю, — он не то чтобы не разбирается в ситуации, его опыт растет с возрастом. Иногда его слова не лишены смысла.

— Конечно, это не просто «не заслуживает внимания»? Все, что он сказал, верно. Но я не могу этого сделать.

— Когда церемония восхождения?

— Завтра.

— Когда армия выступает в поход?

— Завтра, — ответил ему Ли Цзяньхун.

— Почему бы мне не пойти? Я еще не познакомился со своим племянником.

Ли Цзяньхун покачал головой.

— Оставайся на посту и отдыхай.

— В последнее время моя болезнь пошла на поправку. Благодаря тебе мы с принцессой наконец-то перестали целыми днями изводить друг друга.

Ли Цзяньхун покачал головой и, беспомощно улыбнувшись, повернулся, чтобы уйти.

На следующий день Ли Цзяньхун, облаченный с ног до головы в военное одеяние, поднялся на алтарь, сделал подношения небесам и вступил на престол с помощью ритуала, который империя использовала во время вторжения, намекая, что до возвращения северной части их родины они не смогут провести грандиозную церемонию. После этого он повел войска по северо-западной дороге, чтобы пройти через Хулаогуань* и встретиться с монгольской армией.

* Хулаогуань, или перевал Хулао, обладает интересной историей. Он расположен в провинции Хэнань.

В этот момент Шанцзин уже пятый день сопротивлялся нашествию. Городские стены рушились, а монгольская армия разжигала костры на травянистых равнинах за городом. Густой дым и бушующее пламя распространялись по степи, оставляя весь город под темной пеленой, из-за которой казалось, что наступила бесконечная ночь.

Прошлогоднее внезапное нападение оставило глубокое впечатление на Шанцзин и послужило всем хорошим уроком. На этот раз у них было достаточно продовольствия, и все же вернувшаяся монгольская армия была уже не теми несколькими отрядами, что в прошлом году. В первой атаке участвовали только передовые отряды, а к сегодняшнему дню постепенно прибывающие подкрепления увеличили их численность почти до ста тысяч.

Рабы из Сянбэя стягивали осадные машины на бесплодные, выжженные равнины за городом, а численность войск, которыми располагал Елюй Даши, уже сократилась до менее чем десяти тысяч человек. Гигантские валуны стремительно летели в город, концентрируясь на южных городских воротах. Стена была повреждена и отремонтирована, затем восстановлена и снова повреждена; городская стража отчаянно сопротивлялась врагу, заполняя бреши в стенах своими смертоносными снарядами. Прошло более шести часов, прежде чем им удалось

оттеснить монгольские войска за пределы города.

Если они не получат подкрепления, Шанцзин падет в течение десяти дней.

Город был охвачен страхом, и Дуань Лин наконец нашел Хэлянь Бо и Цай Янь.

— Уходим, — коротко подытожил Хэлянь Бо, обращаясь к Дуань Лину.

— В какую сторону?

Дуань Лин открыл карту.

— Монгольская армия повсюду.

Карта уже была покрыта нарисованными кругами. Цай Янь сказал:

— Вы даже не сможете выйти за городские ворота.

Прошлой ночью кто-то бросил семью и ценности, желая улизнуть, но был пойман монгольской армией, которая отрубила ему голову и повесила безголовое тело на осадную машину. Боевой дух в Шанцзине упал так низко, будто находился на дне оврага.

— Почему подкрепление еще не прибыло? — спросил Дуань Лин.

Все трое посмотрели друг на друга в полной растерянности, и внутри Калины кто-то прошел мимо них.

— Не уйдем — умрем! — Хэлянь Бо сердито сказал Дуань Лину.

— Даже если мы пойдем, мы все равно умрем! — ответил Дуань Лин. — У нас будет шанс спастись, только если они начнут сражаться снаружи!

— Подожди! — сказал Хэлянь Бо.

Цай Янь и Дуань Лин посмотрели друг на друга, и Дуань Лин спросил:

— Куда мы пойдем после того, как выберемся?

— Ко мне домой, — ответил Хэлянь Бо.

Теперь Дуань Лин все понял. Он хотел забрать их с собой в Силян.

— Я не уйду, — сказал Цай Янь. — Мне некуда бежать. И мой отец, и мой старший брат погибли за Великую Ляо. Куда бы я ни пошел, я так и останусь жалким безнадежным бродячим щенком.

Хэлянь Бо пристально смотрел на Цай Яня, но спустя долгое время кивнул в знак понимания.

— Ты иди, — сказал Хэлянь Бо Дуань Лину.

— Я не могу пойти. Прости, Хэлянь.

Хэлянь Бо вопросительно посмотрел на него.

— Я жду кое-кого.

Хэлянь Бо кивнул и больше не пытался настаивать. Он повернулся, чтобы уйти, и Дуань Лин догнал его.

— Когда ты уходишь? Я помогу тебе выбраться.

Хэлянь Бо помахал рукой, давая понять, что ему это не понадобится, а затем развернулся и крепко обнял Дуань Лина. Бросив взгляд на Цай Яня, он быстро покинул Калиновый двор.

Цай Янь вздохнул, они вдвоем проводили взглядом уходящего Хэлянь Бо, и Дуань Лин сказал ему:

— Оставайся пока здесь, мы присмотрим друг за другом.

— Нет, спасибо. Я должен вернуться домой и составить компанию своему брату.

Дуань Лин ничего не мог поделать, кроме как оставить все как есть. Все его друзья ушли, а город, похоже, снова атаковали. Дуань Лин уже оцепенел от новостей, которые продолжали поступать. За последние несколько дней он часто слышал, как в один момент город пал, а в другой — что монгольская армия ворвалась в город. Они привыкли к бедствиям, творящимся снаружи, и просто продолжали жить, каждый сам по себе.

— Госпожа хочет вас видеть, — прошептала Дин Чжи, проходя мимо Дуань Лина.

Завтра будет седьмое число седьмого месяца, и в зале были расставлены всевозможные пирожные и сладости. Дуань Лин зашел в комнату. Сюн Чунь была здесь и вытирала меч, и

Дин Чжи вышла и закрыла за собой дверь.

— Это мой меч, — сказала Сюн Чунь.

— Чжаньшаньхай, — ответил Дуань Лин.

Сюн Чунь выглядела слегка удивленной. Посмотрев на него, она кивнула.

— Я давно не пользовалась мечом. Перед смертью жены моего учителя я дала ей клятву, что в этой жизни больше никогда никого не убью.

— Город падет?

— Боюсь, они не смогут его удержать.

Сюн Чунь облегченно вздохнула.

— Судя по сообщениям, дошедшим до нас по дороге в Чжунцзин, подкрепление, которое отправил Елюй Цзунчжэнь, было перехвачено тангутами. Они задержатся.

Дуань Лин был поражен, и Сюн Чунь продолжила:

— Должно быть, монголы и тангуты тайно сговорились. После этой битвы Силян вырвется из-под контроля империи Ляо и вновь обретет независимость.

Дуань Лин сразу же спросил:

— А как же мой отец?

— Его Величество уже вступил на престол, и в день восшествия он начал поход к Шанцзину по западной дороге. Сейчас единственной надеждой Елюй Даши стало внезапное подкрепление из Южной Чэнь.

На ослепительном острие клинка был вырезан дракон.

— Императорская семья подарила моей школе боевых искусств этот меч четыреста лет назад. Я, разумеется, буду защищать Ваше Высочество. Монгольская армия, несомненно, получила известие о том, что с юга прибывает подкрепление; их наступление будет самым ожесточенным в ближайшие два дня. Я предполагаю два варианта развития событий. Если Елюй Даши сумеет сдержать их, то все обойдется.

— Но если он не сдержит войска, тогда Калина будет защищать Ваше Высочество до последнего, поможет Вам бежать из Шанцзина и прикроет Вас, чтобы Вы могли встретиться с Его Величеством.

— Этого не случится. Отец обязательно придет за мной.

— Именно так. Пожалуйста, не доверяйте никому, Ваше Высочество. Гонец, которого отправил Елюй Цзунчжэнь, даже попросил Северного принца доставить вас в Чжунцзин, но, исходя из нынешней ситуации, это слишком опасно.

— Я понял.

Он знал, что Сюнь Чунь имела в виду, что ему не следует уезжать с семьей Хэлянь и не следует позволять Елюй Цзунчжэню забирать его отсюда. Он должен оставаться в городе, и если что-то случится, то все будет под контролем.

***

Под Хулаогуань, еще до того, как Ли Цзяньхун успел пройти через перевал, его разведчики обнаружили солдат Силян, затаившихся в надежде задержать его за перевалом Хулао. Но Ли Цзяньхун разделил свой вынужденный марш на три отряда, окружая армию Силян с флангов, и она потерпела поражение в результате его внезапной атаки.

Дуань Лин знал, что его отец сейчас находился даже не в шестистах ли от него, и все же сегодняшняя ночь была самой критической для Шанцзина.

В час пополуночи раздался далекий громкий гул, за которым последовал шум солдат и неистовые крики жителей. Все они уже привыкли к тому, что их будят посреди ночи, но на этот раз все звучало гораздо серьезнее, чем раньше.

Дун... дун... дун... дун...

Это был звук гонга. Сигнал к отступлению.

Последние несколько дней Дуань Лин спал не раздеваясь; услышав шум, он схватил лук и меч, вскочил с постели и помчался на улицу. Пожары в южном районе окрасили большую часть неба в огненно-красный цвет.

Монгольская армия ворвалась в город!

В ночь на шестой день седьмого месяца монголы получили очередное подкрепление и начали полномасштабную атаку. Понимая, что отстоять свои позиции будет невозможно, Елюй Даши

вывел свои войска за пределы города, чтобы встретить врага, и под городскими стенами они сошлись в отчаянной кровавой битве.

Под почти отчаянный звук гонга на Шанцзин, словно пылающие метеоры, обрушились бесчисленные бочки с горящим маслом!

Падающие звезды, объятые бушующим пламенем, падали на землю, взрывались, и огонь распространялся по южному району, как полотно размотанного шелка, а ветер помогал ему расползтись по восточному и западному районам. Шанцзин уже превратился в море пламени, и сквозь волны густого черного дыма пробивались леденящие кровь крики и горестные вопли. Это было похоже на ад на земле.

Несколько киданьских солдат вбежали в Калину, и Дуань Лин с мечом в руке вышел во двор и закричал:

— Что вы делаете?! Убирайтесь вон, все вы!

Эти солдаты явно были дезертирами, покрытыми кровью и грязью; они смотрели на Дуань Лина, задыхаясь. Вокруг них было слышно, как начинают вращаться шестеренки, и все девушки выходят с тяжелыми арбалетами, направляя их на мужчин.

В конце концов дезертиры отступили, но едва они успели выйти за ворота, как их насмерть сбил конный солдат, скачущий галопом. Вскоре с лошади спешил личный телохранитель Северной администрации, от которого исходил запах горелых вещей.

— Где госпожа Сюн Чунь?

Дин Чжи опустила оружие и повела его в дом. Вскоре после этого, когда телохранитель все еще ждал, Сюн Чунь бодро вышла и застала Дуань Лина во дворе умывающим лицо.

— Ваше Высочество, у Елюй Даши обострились старые травмы, и после того, как он сегодня отправился из города со своей армией, его снова ранили. Теперь, когда он вернулся в город, он хотел бы встретиться с вами. Я отклонила приглашение.

— Как там городские ворота? — спросил Дуань Лин.

Сюн Чунь слегка покачала головой.

— Они еще не пали. Семья Хэлянь успешно сбежала. Чтобы помочь им, Елюй Даши рискнул покинуть город и встретиться с врагом на поле боя. Его здоровье ухудшилось с тех пор, как он получил ранение и упал с лошади в прошлом году. Вы хотите его увидеть? Если да, то я сейчас же подготовлю для вас карету.

Дуань Лин не знал, почему Елюй Даши хотел его видеть: может, потому что понял, кто такой Дуань Лин, а может, Елюй Цзунчжэнь специально поручил ему это сделать... но выражение лица Сюн Чунь не внушало особых надежд на его состояние. Если он умрет от ран, Шанцзин окончательно падет.

В этот момент Дуань Лин должен был навестить его. Если Елюй Даши скончается, он должен будет вернуться и сообщить об этом Калине, чтобы они смогли спастись.

В конце концов Дуань Лин кивнул в знак согласия. Сюн Чунь все устроила, а перед уходом напомнила ему:

— Ваше Высочество не должны там задерживаться.

***

В Шанцзине наступило седьмое число седьмого месяца, и небо лишь слабо светлело, а в городе было так душно, что становилось крайне неприятно, словно находишься в гигантском котле. Южный район все еще горел. Карета быстро проехала несколько улиц и остановилась перед поместьем Северного принца. Двор был переполнен прислуживающими людьми.

Телохранитель быстро провел Дуань Лина в комнату, и он услышал сильный кашель. За Елюй Даши присматривало несколько служанок и принцесса, а в комнате находилась пара его доверенных помощников.

Сердце Дуань Лина учащенно забилось: это был момент произнесения последних слов. Телохранитель сказал:

— Ваше Высочество, тот, кого вы хотели видеть, уже здесь.

— Все остальные... отойдите, — сказал Елюй Даши.

Все ушли, оставляя Дуань Лина в комнате.

— Ты... подойди сюда и дай мне посмотреть на тебя.

Дуань Лин подошел ближе и заглянул в глаза Елюй Даши. В его плече зияла кровавая дыра, залепленная бинтами.

— Ваше Высочество?

Елюй Даши чуть приподнял руку, и Дуань Лин сразу же сказал ему:

— Ваше Высочество, молчите.

Закончив говорить эти слова, Дуань Лин прижал пальцы к пульсу Елюй Даши и снова стал наблюдать за ним. Он видел, что в тот момент, когда тот пытался заговорить, кровь пенилась у него изо рта, и Дуань Лин схватил мокрую тряпку, чтобы вытереть ее. Из этого он сделал вывод, что Елюй Даши пострадал на поле боя, возможно, его даже затоптала лошадь. Повреждения у него были внутренними: несмотря на то что на теле не было больших ран, селезенка, легкие и печень кровоточили. Спасти его было уже невозможно.

— Это ты. Это... ты.

Дуань Лин молча смотрел на него.

Елюй Даши отрывисто говорил:

— Той ночью, с Его Величеством... в Калине... после попойки, я увидел твою тень... на ширме... чем больше я думал об этом... тем больше... я чувствовал, что ты...

Дуань Лин испытывал смешанные эмоции.

— Это я, Ваше Высочество.

— Твой отец действительно... не обманул меня. Ты... действительно... все еще... здесь. Я знаю... твой отец... обязательно придет... скажи ему... чтобы остерегался... что кто-то... кто-то... предал...

Дуань Лин тяжело дышал, и его сердце билось в груди.

Елюй Даши смотрел на него, и его рот был слегка приоткрыт. В его выражении появилась какая-то надежда, словно он хотел спросить Дуань Лина, где Ли Цзяньхун, или что-то сказать ему. Тот понимал, что Елюй Даши находился на последнем издыхании, и подошел ближе.

— Ваше Высочество?

Однако Елюй Даши начал захлебываться кровавой пеной, и прежде чем он успел сказать что-то еще, его начал мучить сильный кашель. Снаружи в панике вбежала принцесса с врачом и закричала:

— Убирайтесь! Все уходите!

Телохранители поспешно схватили Дуань Лина и вынесли его за дверь. Прежде чем он успел

спросить, комната разразилась рыданиями и стенаниями. Елюй Даши умер.

В поместье началось столпотворение, и никому уже не было дела до того, что делает Дуань Лин. Чем больше он думал об этом, тем сильнее его охватывала тревога. Быстро выйдя из усадьбы, он сел в карету и приказал:

— Скорее возвращаемся в Калину!

Карета развернулась и галопом понеслась по улице, а Дуань Лин откинулся на сиденье и, закрыв глаза, стал размышлять о случившемся, нахмутив брови. Ему все время казалось, что Елюй Даши хотел сказать что-то еще, а выражение его лица было таким, словно он хотел предупредить Дуань Лина, чтобы тот был осторожен.

Звуки боя проникли сквозь стены кареты, когда монгольская армия обратила свое внимание на западные ворота. Карета сменила направление, и Дуань Лин пришел в себя. Он приоткрыл занавеску, чтобы выглянуть наружу, и понял, что карета направляется вовсе не к Калине, а к северным воротам. Дуань Лин внезапно насторожился, но не решился заговорить, чтобы кучер не заметил. С тех пор как он покинул поместье принца и сел в карету, тот не произнес ни слова — даже «но!».

Но когда он выходил из Калины раньше, кучер явно что-то говорил! Единственное объяснение — кто-то другой занял его место, пока он ждал возле усадьбы!

Дуань Лин молчал, а потом внезапно выскочил из кареты. Она остановилась, и возница тут же спрыгнул с нее, чтобы погнаться за ним, но он был готов к этому и скрылся в переулке. Когда он снова вышел на улицу, то, прикрыв нос рукавом, устремился к пламени и дыму.

Кучер потерял его из виду, остановился и медленно снял свою шляпу. На мгновение он замер в раздумье, а затем развернулся, чтобы догнать его у Калинового двора.

***

Раскаты грома пронзали темные тучи над горизонтом. Бесчисленные молнии рассекали небо, словно парящие драконы, выходящие из моря, и все они одновременно летели в сторону Шанцзина.

Начался сильный дождь; всепроникающий, проливной ливень безумно гнал воду с небес на землю, погашая бушующее в городе пламя. Издалека доносился звук гонга монгольской армии, возвещающий о ее временном отступлении.

Кашляя, Дуань Лин выбрался из руин и, свернув в несколько переулков, вернулся к Калине. Внутри царила полная тишина и спокойствие.

— Сюн Чунь! Кто-то убил кучера...

Он мчался по извилистой галерее, и его голос резко оборвался. В переднем дворе под проливным дождем стояли два человека.

Шикарное платье Сюн Чунь насквозь промокло под дождем, а не мокрые волосы прилипли к лицу. В руках у нее был Чжаньшаньхай.

Лан Цзюнься в шляпе стоял во дворе и держал на руках Цинфэнцзянь. Они находились на небольшом расстоянии друг против друга.

Дуань Лин замедлил шаги, входя во двор, и ошарашенно посмотрел на Лан Цзюнься.

— Это я. Я пришел за тобой. Здесь слишком опасно.

— Не уходите с ним! Ваше Высочество!

На мгновение Дуань Лин почувствовал себя немного растерянным.

— Шанцзин определенно будет захвачен сегодня. Ты не можешь оставаться здесь дольше.

— Его Величество сказал мне, что если он сам не придет, то никто не сможет его забрать.

Ливень казался вездесущим, и звук падающей воды был уже настолько громким, что никто не мог слышать разговор. Раздался очередной раскат грома, и Дуань Лин закричал:

— Прекратите!

Но меч Лан Цзюнься повернулся под почти незаметным углом, отражая яркую вспышку молнии, и осветил Сюн Чунь в глаза.

Она прищурилась, но с этого момента уже потеряла инициативу. Лан Цзюнься с мечом наперевес бросился к горлу Сюн Чунь, развернулся и ступил в струящийся поток дождевой воды, а ее красное платье развевалось, поднимая вокруг брызги.

Миллион капель застыли в лучах света, и мир преломлялся в каждой кристаллической дождевой капле, словно в этот момент окаменев: Дуань Лин выхватил меч, Сюн Чунь отступила назад, принимая оборонительную стойку, и меч Лан Цзюнься устремился вперед.

Сюн Чунь достала шпильку из волос и метнула ее.

В результате удара Лан Цзюнься вонзился в ее живот, а заколка пронеслась в воздухе, пронзая капли воды на своем пути, и сломалась, попав под ребра Лан Цзюнься.

В следующее мгновение он нанес удар Цинфэнцзянем, но Сюн Чунь рискнула и бросилась на него, вытянув руки, обе ее ладони уперлись в грудь Лан Цзюнься. Ее внутренняя энергия вырвалась внутрь его тела, заблокировала точки меридианов, перекрытые шпилькой, и вибрация сразу же повредила его внутренние органы.

Лан Цзюнься развернулся и, опираясь на деревянный столб, бросился к Дуань Лину; Тот тут же выхватил меч и направил его на него. Очевидно, получив сильную травму, Лан Цзюнься не успел остановиться и наткнулся на меч, а Дуань Лин сразу же отступил, боясь причинить ему боль.

Только после этого изо рта Лан Цзюнься брызнула кровь, а меч в руке Дуань Лина был уже весь в крови. Вслед за тем Лан Цзюнься выбежал из Калинового двора и исчез. Перед самым уходом их взгляды встретились, и по взгляду Лан Цзюнься Дуань Лин что-то резко осознал, но это что-то осталось на кончике его языка.

На улице лило как из ведра, и Дуань Лин сделал несколько шагов, чтобы побежать за ним, но постепенно заставил себя остановиться и обернулся.

— Сюн Чунь! — с тревогой воскликнул Дуань Лин.

У нее был рассечен живот, а платье насквозь пропиталось кровью. Дуань Лин быстро помог ей войти внутрь. Появилась Дин Чжи и с испуганным возгласом поспешила к ним, чтобы проверить состояние Сюн Чунь.

***

В то же время армия Южной Чэнь приближалась к Западным холмам, в двухстах ли от Шанцзина*. Дождь начался внезапно и, казалось, только усиливался; местность под горами вся погрязла в грязи. Армия в полном составе перешла реку вброд, и почти сорок тысяч человек приблизились к тылам монгольской армии.

* Рядом с Пекином.

— Донесение, — к ним подбежал разведчик.

— Прибыло монгольское подкрепление, войска за пределами Шанцзина насчитывают сто тысяч человек!

Ли Цзяньхун весь промок насквозь. Дождь стекал по его доспехам, пропитывая всю одежду, и он чувствовал себя холоднее, чем когда-либо.

— Они прорвались в город?

Его собственный голос звучал так, словно доносился с огромного расстояния. Ли Цзяньхуну казалось, что он больше не принадлежал ему.

— Они сражаются на улицах. Авангард спас группу студентов, бежавших из Академии Биюн. Они говорят, что Елюй Даши мертв.

— Приведите их сюда, — сказал Ли Цзяньхун.

К ним подошли несколько студентов, покрытых грязью и тиной. Отжав мутную воду с одежды, они опустились на колени перед Ли Цзяньхуном.

— Генерал! — заговорил студент. — Генерал, спасите нас...

— Сколько человек спаслось? — спросил Ли Цзяньхун, его дыхание стало учащенным.

— Только мы! Декан сказал нам бежать первыми, а его застрелили монголы...

Мир словно вращался вокруг Ли Цзяньхуна; после нескольких дней вынужденного марша его умственные способности были напряжены до предела. Когда он услышал это, его охватило головокружение.

Но тут произошло неожиданное: один из учеников внезапно поднял голову и щелкнул языком, несколько скрытых игл пролетели сквозь дождь и вонзились в правую руку Ли Цзяньхуна. Он быстро отступил назад и выхватил меч левой рукой. Развернувшись, убийца, замаскированный под ученика, набросился на него, и Ли Цзяньхун вонзил меч ему в горло.

— Ваше Величество!

Цвет исчез с лиц его личной охраны, и они устремились вперед, вскоре засыпая своими стрелами этих «студентов» так, что они стали похожи на пчелиные гнезда. В правую ладонь Ли Цзяньхуна вонзились иглы, и через несколько мгновений по всей правой руке разлилось чувство онемения. Он решительно нажал на безымянный палец, в который вонзились иглы, и полностью отрубил его мечом. Из раны лилась черная кровь, пока не стала темно-красной, но яд уже просочился в руку.

— Позовите врача! — кто-то крикнул.

— Не нужно, — сказал Ли Цзяньхун. — Передайте приказ, что мы сворачиваем шатры и уходим. Скажите киданьским солдатам, что Шанцзин еще не взят и у нас еще есть шанс. Пусть они знают, что нельзя опускать руки!

После полудня Ли Цзяньхун повел десятитысячную армию Ляо и сорокатысячную кавалерию Чэнь по труднопроходимой местности в Западные холмы через узкие ущелья и по осыпающимся склонам скал короткими путями, торопясь к Шанцзину.

— Донесение...

Передовой отряд впереди него засуетился, и человек пришпорил коня, направляясь к Ли Цзяньхуну под проливным дождем.

— Впереди засада.

У Ду снял шлем, его лицо было покрыто грязью. Он сказал Ли Цзяньхуну:

— Около десяти тысяч человек охраняют дорогу в ущелье Западных холмов. Давайте обойдем, Ваше Величество. Это слишком опасно.

— Перебейте их, — сказал Ли Цзяньхун, а затем решительно закричал:

— Киданьская армия, за мной! Возьмите авангард! Войска Великой Чэнь последуют за вами! Мы пройдем через Западные холмы через два часа! Лучники, за мной!

У Ду выглядел потрясенным, но Ли Цзяньхун просто бросил ему две длинные сабли. Вань Ли Бэнь Сяо взял на себя инициативу и устремился в овраг.

Сразу же за ним, с сердцами, все еще находящимися в Шанцзине, в овраг с сокрушительным криком ворвалась армия киданей, каждый из которых держал перед собой щит, чтобы защитить центральный отряд, а копыта их лошадей вздымали грязную воду. Ли Цзяньхун возглавил почти пятидесятитысячную армию и безжалостно столкнулся с оборонительным строем монгольской армии.

Монгольская армия расставила по всему запасному пути ловушки из паводков и бревен, и, как только Ли Цзяньхун решил бы объехать засаду, они привели бы их в действие. Они и представить себе не могли, что Ли Цзяньхун попытается разбить их в лоб. Как раз в тот момент, когда две стороны встретились, он поднял Чжэньшаньхэ и прорубил монгольского солдата прямо сквозь щит, а его плоть и кровь разлетелись в разные стороны. Алый плащ Ли Цзяньхуна развеялся за ним, и куда бы он ни пошел, земля, которую он покрывал, напоминала мясорубку, вспышки света отражались от его меча, и, опережая отбрасываемую им тень, он безжалостно побежал по опасному оврагу.

Киданьская армия прорвалась вперед, а за ней последовала сорокатысячная конница Чэнь; на мгновение их силы слились в мощный поток, преодолевающий периметр монгольской армии. Рука Ли Цзяньхуна слабела от убийства, и он уже почти не видел, что перед ним; дождь заливал ему глаза, превращая все вокруг в неясное пятно. В гуще сражения яд, еще не

полностью покинувший его тело, распространился по руке, просачиваясь в сердце.

Его губы смертельно побледнели, но он продолжал нестись по полю боя со всей своей силой. До устья оврага осталось меньше тысячи шагов, выход был прямо перед ним. С обрыва донесся свист ветра: что-то рассекло воздух — один человек, словно обезьяна, упал навстречу армии.

В этот миг Ли Цзяньхун, столько раз смотревший смерти в лицо, предчувствовал, как по интуиции. В мгновение ока он откинулся назад и, вскочив на спину лошади, взмыл в воздух. Вань Ли Бэнь Сяо всхлипнул и уклонился. В этот момент с огромным мечом в руке слетел убийца и разрубил на две части киданьского солдата, ступившего на место, которое раньше занимал Ли Цзяньхун!

Уголок рта убийцы приоткрылся.

Земля под ними сотрясалась, дождь лил как из ведра, вспыхивал свет, и раздавались раскаты грома; ни одна из сторон уже не слышала, что говорит другая, но силуэт убийцы с необычайной ловкостью двигался среди этой огромной военной силы, определяя местоположение Ли Цзяньхуна, а затем, обойдя коней и солдат, бросился прямо на него с огромным мечом на спине. Ли Цзяньхун прыгнул на скалу. Убийца настиг его, и меч покинул ножны.

Ли Цзяньхун выхватил Чжэньшаньхэ, а убийца — свой большой меч. Металл с лязгом столкнулся с металлом, и по оврагу разнеслось звонкое эхо, которое тут же перекрылось громовым боевым кличем внизу.

У Ду вместе с армией ступил на уступ оврага и, уловив этот звук среди ливня, вдруг поднял глаза на Ли Цзяньхуна.

Тот больше ничего не говорил. Убийца и Ли Цзяньхун обменялись десятком шагов перед скалами, двигаясь подобно урагану, и каждый шаг был быстрее предыдущего. Меч убийцы налетел на него подобно бурному шторму, а стиль меча Ли Цзяньхуна кромсал с яростью буйного моря. К концу поединка все их движения были подчинены инстинкту людей, стоящих на вершине боевых искусств. В бескрайнем небе сверкнула молния, а в зрачках Ли Цзяньхуна отражался только меч.

Дуаньчэньюань -

Жизнь горько коротка, разорви свои связи с сансарой.

Ли Цзяньхун в ярости бросился на Чжэньшаньхэ с мечом в руках, но в сердце словно вонзился нож, отчего левая рука сильно задрожала. Мечи столкнулись еще раз, и как только острия соприкоснулись, Ли Цзяньхун пустил свой меч в ход до самого Дуаньчэньюаня. Убийца бросил все силы на рывок назад, и четыре его пальца разом оказались отрубленными!

Дуаньчэньюань рассек броню Ли Цзяньхуна, и кровь полилась по его левой руке. Он бросился на убийцу, и в тот момент, когда он уже был готов вонзить в него свой меч, убийца вдруг открыл рот и выплюнул пучок крошечных иголок, каждая из которых была размером с коровий волос.

В этот момент У Ду наконец-то удалось догнать его. Он развел руки в стороны и толкнул их вперед. Между ладонями появился черный магнитный диск, который притянул к себе все до единой иголки, и они с резким звоном упали на него. Ли Цзяньхун продолжил двигаться вперед, но убийца уже спустился с обрыва на переполненное поле боя.

Ли Цзяньхун подпер себя мечом, и его зрение погрузилось в кромешную тьму.

— Ваше Величество?! — громко произнес У Ду.

— Заставить тебя искупить свои преступления, работая на меня, — сказал Ли Цзяньхун, — было одним из немногих правильных решений, которые я принял за всю свою жизнь...

У Ду сказал:

— Ваше Величество, я раздобыл их скрытое оружие. Скорее всего, это змеиный яд. Я сейчас же отправлюсь за противоядием.

Ли Цзяньхун несколько мгновений стоял, задыхаясь. Он чувствовал, как по телу распространяется яд, вызванный жестоким боем, и оно уже слегка онемело. Он изо всех сил пытался провести энергию через свои меридианы, выталкивая яд обратно в правую руку.

— Дай мне немного отдохнуть, — мрачно произнес Ли Цзяньхун, глядя на свою армию внизу, в ущелье, и переводя дыхание.

У Ду не решался заговорить. Он стоял и ждал, пока тот придет в себя и уберет в ножны Чжэньшаньхэ, и Ли Цзяньхун сказал:

— Вперед!

Когда армия вышла из ущелья, вдали уже был виден Шанцзин. Под проливным дождем городские стены уже местами осыпались, а над городом к небу поднимался черный дым.

— Донесение...

К нему подбежал гонец.

— Проход в Силян открыт, принцесса Хэлянь вернулась на родину, войска по дороге Чжунцин уже прошли Силян и движутся сюда так быстро, как только могут!

— Где они?

Ли Цзяньхун уставился на размытый силуэт Шанцзина. В потоке воды монгольская армия уже заметила, что прибыло подкрепление, и превратили тыловой отряд в авангард, выделив пятьдесят тысяч человек для борьбы с ними.

— Они могут прибыть через два дня! — сказал гонец.

— Где У Ду? — голос Ли Цзяньхуна был хриплым и низким.

— Он отправился готовить противоядие для Вашего Величества, — сказал его личный охранник, — он поехал в Алтынтаг и вернется через полдня.

— Хорошо. Пойдемте со мной и нападём на их лагерь, — сказал Ли Цзяньхун. — Мы ворвёмся в Шанцзин!

Не успели его слова отзвучать, как наконец-то развернулась последняя решающая битва: под командованием Ли Цзяньхуна сорокатысячное подкрепление из Южной Чэнь и десятитысячная армия киданей с силой, сотрясающей землю, ворвались в наспех построенный гигантский строй монгольской армии.

***

Сверкали молнии, гремел гром; дождь лил с такой силой, что казалось, будто небо вот-вот обрушится с громким треском. В результате двенадцати дней непрерывной осады городские ворота Шанцзина наконец рухнули, издав такой взрывной грохот, какого не слышали с начала времен. Столица Ляо, почти столетие возвышавшаяся над землей, сегодня была полностью повержена.

Словно пройдя по совершенно незахваченной территории без какого-либо сопротивления, монгольская армия вошла в город, и земля под ними загрохотала.

— Город пал!

Дуань Лин впервые увидел, как вражеские военные силы вливаются в город подобно наводнению, точно стадо свирепых зверей; отец однажды сказал ему, что, когда ты стоишь в центре армии, под ударами потока, под силой, подобной оползнию, даже если ты обладаешь несравненными боевыми навыками, тебе будет трудно удержаться. Когда наступит это время, придется только убивать.

Только убивать.

— Город пал...

После этих слов стрелы посыпались, как капли дождя во время грозы, пригвоздив к земле тех людей, которые не успели достаточно быстро убежать.

— Подкрепление прибыло! — крикнул кто-то другой, и за словами последовал еще один крик.

Дуань Лин запрыгнул на крышу и выпустил подряд четыре стрелы, сбивая монгольских воинов с лошадей, пока на него лился дождь. На улицах началась жестокая битва; те немногие, кто остался от городской стражи, объединились, чтобы сражаться до последнего.

Как только город будет взят, монгольская армия начнет насиловать и грабить, сжигать дома и убивать горожан, и так начнется резня, которая продлится три дня — никто не спасется. Все взяли в руки оружие. Неважно, умели эти люди воевать или нет, они были готовы расстаться с жизнью, если это означало, что у них есть шанс унести с собой на тот свет часть монголов.

Как раз в тот момент, когда женщина вбежала в Калину, ее насмерть затоптал солдат на лошади. Он что-то крикнул, привлекая новых безжалостных мужчин, и они вбежали во двор. Дин Чжи воскликнула:

— Отступайте к заднему двору! Защитите госпожу!

Дуань Лин внутри накладывал швы на рану Сюн Чунь, и его руки были в крови. Когда он доделывал последний шов, дверь позади него с громким стуком распахнулась, и Дуань Лин тут же выхватил меч, без предупреждения опустил и врезался в диафрагму солдата. Затем, молниеносно развернувшись, он вонзил меч под углом снизу вверх, рассекая его, и, не останавливаясь, выпрыгнул из комнаты. Свет, отражающийся от его клинка, ослеплял глаза, когда он убил трех человек подряд.

— Стреляйте в них! — крикнул Дуань Лин и откатился в сторону; за ним женщины с арбалетами нажали на спусковые крючки и выпустили залп стрел, который сбил нескольких солдат. Встревоженный уцелевший монгольский воин свернул за угол в дальний коридор и набросился на Дуань Лина, пытаясь зарубить его саблей. Тот отбил его удар мечом, подсознательно закрывая глаза, и услышал лишь металлический звон, когда изогнутая сабля другого человека разломалась на части.

Его меч когда-то был личным мечом Чингисхана, отлитым из очищенной стали мастерами Жужаньского каганата. Может, он и не дотягивал до Чжэньшаньхэ Ли Цзяньхуна, сделанного из небесного метеоритного железа, но разве могло обычное оружие сравниться с ним?! Уверенный в остроте своего клинка, Дуань Лин атаковал, пока солдаты еще недооценивали его, и отступил в главный зал только после того, как противники перестали с ним тягаться.

— Заряжай!

В данный момент за пределами города царил хаос из шальных стрел и дико скачущих лошадей. Чтобы прикрыть свои войска, ворвавшиеся в город, монгольская армия использовала щиты, блокируя железную кавалерию Ли Цзяньхуна. Как только их первый строй распался, фланг быстро заполнил образовавшуюся пустоту.

Сердце Ли Цзяньхуна вновь пронзила острая боль; когда он открыл рот, голос словно отдалился от него. Шальные стрелы летели во все стороны, он из последних сил поднял Чжэньшаньхэ, направив его перед собой, и коленями изо всех сил сжал бока лошади.

Вань Ли Бэнь Сяо, поскуливая, устремился на равнину впереди всех, возглавляя атаку с более чем сорокатысячным войском за спиной!

Удары копыт раздавались так, будто земля раскалывалась на части и катилась вперед оползнем. Подобно приливу, кидани столкнулись с монгольским авангардом, чэньская конница следовала вплотную за ними, словно волна, поглощающая другую, — одна за другой, и ханьская армия неумолимо теснила монгольскую армию, непрерывно подступая к городским воротам.

Звучали боевые барабаны, Угэдэй собрал войска и развернул их, встречая удар Ли Цзяньхуна.

Тот видел все как в тумане, и куда бы ни взметнулся его огромный меч, вокруг него повсюду разлеталась кровь; он, словно сама смерть, сошедшая с небес, врезался в строй врага, едва удерживаясь на спине коня, который с трудом прокладывал перед ним кровавый путь.

— Ваше Величество!

— Ваше Величество!

Сраженный стрелой, Ли Цзяньхун упал с коня, и через мгновение его поглотило море солдат на поле боя.

Формирования превратились в полное месиво; монголы снова сомкнули фланги, и уже никто не может сказать, где начинались и заканчивались ханьская, киданьская и монгольская армия — все держали в руках оружие и рубили все, что попадалось, без разбора, и вокруг разбрызгивалась грязь. Ли Цзяньхун подпер себя мечом, снял со спины наконечники стрел и повернулся, чтобы поискать взглядом возвышенность.

На обломках городских стен убийца целился в него из тяжелого арбалета.

К нему устремилась еще одна стрела, и ее полет сопровождался сильным попутным ветром. Ли Цзяньхун рискнул получить рану в руку, чтобы пронзить мечом монгольского воина,

несущегося на него, выхватил арбалет и направил его на городскую стену. Стрела вылетела из его рук, и убийца упал на землю, а через несколько мгновений он уже был растоптан в фарш скачущими лошадьми.

Ли Цзяньхун взял под уздцы еще одну лошадь и, взмахнув поводьями, устремился через городские ворота. Где бы он ни проезжал, Чжэньшаньхэ поднимал в воздух брызги крови и плоти; когда он, подобно самой Смерти, пробивался через городские ворота, армии киданей и ханьцев снова успели заметить его и бесстрашно последовали его примеру. Монгольское войско уже захватило надвратные башни и начало выпускать залпы стрел по солдатам внизу; Ли Цзяньхун словно бежал в путях летящих стрел, пробиваясь через ворота. Он был ранен в руку, ногу и плечо.

Как только боевой конь въехал в город, он жалобно заскулил и опрокинулся. Ли Цзяньхуна отбросило в сторону, и он разбился о землю.

Подкрепление наконец-то вошло в город. Дождь лил все сильнее и сильнее, пока между небом и землей не осталась лишь водяная завеса. Ли Цзяньхун с трудом поднялся на ноги и, пошатываясь, пошел по переулкам.

Весь Шанцзин находился на грани уничтожения, улицы и переулки были заполнены мертвецами. Ли Цзяньхун тащился по переулку, за ним тянулся кровавый шлейф, а меч служил ему костылем. Он видел бушующее пламя западного района — там находился их с Дуань Лином дом, и вся улица была в огне. И даже такой ливень, как этот, который, казалось, переполнял небосвод, не мог его потушить.

Со всех сторон в Калину врывались все новые и новые монгольские солдаты.

Сюн Чунь держала одну руку на животе, а другую — на длинном мече. Она закричала:

— Проводите Его Высочество из города!

— Я не могу уйти! — в ярости прорычал Дуань Лин. Вслед за этим он громко крикнул:

— Стреляйте в них!

Из оконных стекол вылетали бесчисленные стрелы, повергая в смятение монгольских солдат, ворвавшихся в Калиновый двор. Дуань Лин ворвался в дверь и врезался в строй лучников, в бешенстве рубя и кромсая; Сюн Чунь подбежала к нему на помощь, и они убили еще несколько десятков солдат. Монгольские воины наконец отступили. Дуань Лин бросил меч и взял в руки лук, натянул его, приложил и выстрелил в солдата, бегущего из Калины, насмерть.

— Ваше Высочество! — в тревоге воскликнула Дин Чжи.

К этому моменту Дуань Лин уже выдохся: слишком много крови людей запятнал его меч сегодня. Когда он прислонился к столбу, чтобы перевести дух, Дин Чжи поспешила к нему, и как только она коснулась его спины, он вскрикнул от боли — он даже не заметил, что его ранили.

— Вытащи.

Дуань Лин крепко зажмурил глаза. Когда Дин Чжи вытащила стрелу, его сердце разорвалось от резкой боли, а в глазах потемнело, и он едва не потерял сознание. Девушка тут же помогла ему выйти во двор и немного отдохнуть.

Дождь понемногу стих, и слуги пошли закрывать ворота. Как только засов опустился, раздался громкий стук. Кто-то явно пытался его сбить.

Сюн Чунь холодно произнесла:

— Ваше Высочество, уходим!

— Подкрепление уже здесь! — крикнул Дуань Лин. — Мы продержимся!

— Подкрепление не придет! Мы пройдем через тайный ход на заднем дворе!

— Нет! Я знаю, что мой отец уже здесь!

Ли Цзяньхун снял шлем. Волосы рассыпались по лицу, и он побежал к Калиновому двору. Там крылась последняя надежда.

По всему пути на земле валялись трупы, повсюду были монгольские солдаты, которые грабили, жгли, убивали и насиловали. Один из них обнаружил его и набросился с пикой. Ли Цзяньхун срубил его одним быстрым ударом. Еще больше солдат становились в ряд, выстраивая свои копьё в аккуратную линию, чтобы напасть на него.

— Все вы... умрете... — взревел от ярости Ли Цзяньхун. — С дороги!

Не обращая внимания на летящие в него монгольские стрелы, он со всей силы бросился на вражеский строй, оставляя за собой кровавую дорожку. К концу боя у него не осталось сил даже на то, чтобы вытащить Чжэньшаньхэ обратно из тела; когда последний из его врагов слег мертвым, он наконец не выдержал и упал на землю.

Дождь лил целый день и ночь, и вот он уже начал стихать, пока внезапно не прекратился.

Яд уже распространился по шее Ли Цзяньхуна, вся правая сторона тела онемела, и он не мог пошевелиться, но левая рука по-прежнему крепко сжимала Чжэньшаньхэ. Дождевая вода стекала по обочинам улицы и хлестала по лицу.

Далеко впереди безмятежную ночь прорезал гневный крик.

— Он скоро будет здесь! Я не уйду! — это был голос Дуань Лина.

— Мой сын... мой сын... — губы Ли Цзяньхуна незаметно дрожали.

Этот голос словно вернул его к жизни, вливая в его тело, находящееся на грани смерти, грозную силу, которая разрывала клубящиеся темные тучи, скрывающие ночное небо, и открывая взору бескрайний простор, усеянный яркими звездами в ясную ночь.

Серебряная река растекалась по небу, и в разбитом и измученном Шанцзине в бесконечном количестве водных луж одновременно отражался этот блестящий звездный купол.

Опираясь на меч как на костыль, Ли Цзяньхун на нетвердых ногах пошел к двери.

Раздался легкий щелчок шестеренок.

В сорока шагах от него из арбалета вылетела одна-единственная стрела, мерцающая холодным светом. Ли Цзяньхун резко повернулся, Чжэньшаньхэ вылетел из его руки и, вращаясь, пронесся мимо стрелы к убийце, поджидавшему его на карнизе.

Лицо убийцы окрасилось удивлением — в его грудь был вогнан Чжэньшаньхэ, и он упал.

А стрела со всей силой пробила доспехи Ли Цзяньхуна и вонзилась ему в сердце.

Возвышающееся тело Ли Цзяньхуна упало назад, прочерчивая перед собой в воздухе линию из кровавых нитей. Он опустился на землю, и вокруг него разлетелась вода.

— Уходите, пока еще есть время, Ваше Высочество. Если мы не уйдем, будет слишком поздно, — надавила на него Сюн Чунь. — Впереди еще много времени.

Внезапно во всем мире воцарилась тишина. Внутри Калины Дуань Лин прислонился затылком к стене внутреннего двора, а издалека до него доносился слабый плач, словно пели о павших героях.

Дуань Лин не знал почему, но в этот момент ему на сердце было совершенно спокойно. Он медленно сполз по стене и сел в углу двора. По другую сторону стены за его спиной

находилась мокрая от дождя аллея.

Кровь Ли Цзяньхуна медленно струилась из его тела и текла по дорожкам, пропитывая мостовую.

Его глаза были широко открыты, а адамово яблоко слегка подрагивало, когда он произнес:

— Мой сын...

Ли Цзяньхун хотел позвать его, но больше не мог издать ни звука. Он лишь слабо дышал. Вскоре его зрачки, в которых отражалось небо, усыпанное звездами, начали постепенно расширяться.

Дуань Лин поднял голову и взглянул на Серебряную реку. Его глаза были полны слез.

— Он придет, — всхлип застрял в горле. — Отец сказал, чтобы я ждал его, просил никуда не уходить...

Он повернулся к тем, кто был еще жив внутри Калинового двора; их глаза, как и его, были омрачены печалью.

— Пойдемте.

Дуань Лин наконец проглотил слезы, его глаза были насквозь красными.

Отделенный стеной, Ли Цзяньхун закрыл глаза, и свет звезд в его зрачках медленно исчез.

Он спокойно лежал в Серебряной реке, отражающейся в луже воды, словно плыл в той сияющей, великолепной реке из звезд; уголки его губ слегка подрагивали — это была та самая нежная улыбка, которую он дарил всякий раз, когда видел своего сына, любовь всей своей жизни.

В седьмой день седьмого месяца Служанка работала на ткацком станке, покрывая свое мощное тело великолепной звездной рекой*.

* Отсылка на легенду об искренней любви между Пастухом (звезда Альтаир из созвездия Орла) и Ткачихой (звезда Вега из созвездия Лиры), которые разделены «Серебряной рекой» (Млечным путём). Они могли встречаться друг с другом только раз в году — в седьмой день седьмого месяца. Влюбленным помогали сороки, которые сцеплялись крыльями и образовывали мост через «Небесную реку».

В седьмой день седьмого месяца нежные облака сочиняли нежную сказку, падающие звезды повествовали о своих сожалениях, а Коровий пастух и Ткачиха в молчании пересекали Серебряную реку. В золотом осеннем бризе и нефритовой росе их случайная встреча была удивительней всех бесчисленных воссоединений в мире смертных*.

* Это начало поэмы Цинь Гуаня «Бессмертные на сорочьем мосту». Вставила ее в конце главы.

В седьмой день седьмого месяца император У государства Чэнь, Ли Цзяньхун, погиб**.

* Император У Чэнь, буквально «Воинственный император Чэнь». Это останется посмертным титулом Ли Цзяньхуна до конца истории. Посмертные титулы присваиваются исходя из достижений императора при жизни.

* Созвездия названы в честь каждого из богов, расположенных в кардинальных направлениях. Так, «Радость встречи» — это «Белый Тигр Запада». Хотя «Ли Цзяньхун» мертв, созвездие будет жить вечно.

***

Изящны облака — они плоды искусства.

Летящая звезда досадою полна.

Ведь млечный путь втайне пересекать ей грустно

Под ветер золотой, где с Яшмою роса.

Свидание её другие превосходит

Всех смертных на земле несметное число.

Любовной нежностью её звезда исходит

Потоками несёт незримое тепло...

Свиданье со тчеей* у пастуха прекрасно,

Но кажется оно воображением сна.

О как же расставание с мечтой ужасно,

В земной вернуться мир с сорочьего моста.

Но если Вам дано любить друг друга вечно,

То нужно ль проводить вам вместе день и ночь?

Ведь вечная любовь совсем не скоротечна,

Разлуки боль всегда ей можно превозмочь.

Перевод: Флориан Роси

<http://bllate.org/book/15657/1400643>